

Глава 28 28. Если о добре и зле не сообщают, я сообщу.

Улицы имперской столицы больше не процветают. Война превратила все вокруг в ад.

Миллионы беженцев с запада,

Все больше и больше беженцев,

Вытесненные беженцы,

Голодные и неодетые беженцы.

Сильный снегопад.

Под мостом видны только что замерзшие до смерти кости.

Полдень.

Продавцы и лоточники уже не шумят, а некоторые просто тихо, негромко причитают.

Ся Сяосу открыла дворцовую житницу и надела одежду обычных придворных дам. Проезжая по улице в тележке с кашей, она подняла руку, вытерла глаза, а затем слегка вздохнула.

Подождите, пока телега с кашей осядет.

Множество беженцев хлынуло вверх.

Охранник спешил поддерживать порядок, крича "очередь, очередь, всем есть".

Отравленные войной люди вяло выстраивались в очередь.

"Девушка, не могли бы вы дать мне лишнюю миску? В моей семье есть пятилетняя девочка. Это моя внучка. Ее родители умерли, и она тоже тяжело больна".

"Да." Ся Сяосу ничего не сказал, а сразу подал две миски каши пожилой женщине перед ним.

"Спасибо, девочка".

После того, как старуха ушла, появился другой мужчина. Мужчина взял миску и жалостливо сказал: "Девочка, земли с берега реки, которую я ел вчера, было полно. Сейчас она почти закончилась, поэтому ты можешь дать мне еще. ?"

"Да!" Ся Сяосу наполнила большую миску и протянула ему.

После того, как мужчина ушел, другая женщина в рваной одежде взяла за руки двух детей, которые жалобно смотрели на нее.

Ся Сяосу смотрела на их выражения, в душе ей было не по себе, а нос не мог не болеть, но в конце концов она не заплакала. Вместо этого она подала им кашу и выдавила нежную улыбку: "Каждый день, приходите завтра завтра завтра".

"Спасибо, девочка".

Ся Сяосу посмотрел на серую и длинную линию, и вдруг его глаза покраснели.

Другая придворная дама поспешила заменить ее, увидев ее, а затем прошептала: "Принцесса, ты сначала отдохни".

Ся Сяосу покачала головой. Она настаивала на том, чтобы держать горшки и ложки, чтобы разложить рисовую кашу для людей. Видя, что рисовой каши не хватает, она не сказала: "Сегодня каши столько-то, приходите завтра", а утешила беженцев. Пусть служанка вернется и сварит кашу.

Голод и бесплодие, никто не может вылечить болезнь, негде жить переселенцам, и никому нет дела до внезапной смерти на улице...

Император отвернулся и, не удержавшись, поднял рукава и вытер ей слезы.

Той ночью.

Во дворце.

Два брата и сестра сидели друг напротив друга за длинным столом, на столе стояла только простая рисовая каша.

Ся Цзи спросила: "Почему ты плачешь днем?".

Ся Сяосу: "Мне их жалко".

Она отложила палочки и только перед старшим братом бессовестно выражала свои эмоции, ее глаза покраснели, она закрыла лицо руками и прошептала: "Война разрушила все вокруг, их родственники разлучены, и они разлучены.

Я ходила по улицам имперской столицы. Я видела множество мертвых костей и слышала, как многие люди задыхаются от боли. Даже шум ветра казался плачем бесчисленных обиженных духов.

Мне жаль их. Я думаю, что они не совершали ошибок, они усердно и старательно трудились в своих родных городах. Почему с ними нужно так обращаться? "

Ся Цзи сказал: "Это судьба".

"Жизнь"

Император долго держала палочки для еды, она хотела что-то сказать, но в конце концов глубоко вздохнула и опустила голову.

Если бы не старший брат, ее увезли бы на юг, где весной ее ждала свадьба с турками.

Если бы не старший брат, она уже вытащила кинжал у городского головы и вонзила его в сердце.

Такова судьба.

Она не вправе спрашивать, почему.

Потому что ей тоже приказали подавить.

Поэтому Ся Сяосу тяжело вздохнул, но когда он поднял глаза, то увидел, что его брат улыбается. Ся Цзи коснулся ее головы и сказал ей: "Добро вознаграждается, и зло вознаграждается. Ты такой добрый, и ты обязательно умрешь..."

Ся Сяосу опустил голову и удрученно сказал: "Правда?"

Ся Цзи улыбнулся и сказал: "В противном случае, не мог бы ты познакомиться с моим братом?"

Ся Сяосу разразилась смехом и кивнула головой: "Ну, принц, третий принц и пятый принц не так хороши, как твои волосы".

Ся Чжи поспешно пожала ей руку: "Не надо".

Ся Сяосу очень хорошо владела собой, она надулась и сказала: "Ты хочешь сказать, что я снова отравила молоко, где я отравилась?"

Ся Цзи: "Поспешите похвалить трех принцев, посмотри на этих трех принцев и Ванфэй, матери добрые и сыновние".

Ся Сяосу Сюй посмотрел на него: "Серьезно, я действительно думаю, что три принца красивы, говорят и смеются с большими доверенными лицами, не имеют белых друзей, с длинными рукавами хорошо танцуют, и были оценены многими великими конфуцианцами, и Ванфэй также очень аура. Лучше, чем королева".

Ся Цзи выглядел искренним и серьезно сказал: "Спасибо".

Ся Цзи открыл деревянную шкатулку, достал из нее деревянные бусины и продолжил гравировать их в четки, содержащие духовную силу.

Это озеро Хуацин, ночной бриз ледяной, озеро темное, и все отвлекающие мысли не могут проникнуть в его сердце.

Его дух был сосредоточен на пальцах, и он выгравировал золотые **** четки, каждая из которых была его козырной картой. Выгравировав еще десять, он потер лоб, немного устав.

Он вздохнул с облегчением.

Спал до утра.

Затем достал оставшиеся четки, воспользовался хорошим состоянием утра, завершил их все одним махом, а затем нанизал их на 108 кармических четок.

Сто восемь представляют все виды бед живых существ, а беды могут породить все виды плохой кармы.

Когда четки нанизаны, состояние ума становится ясным, и естественно наблюдать рождение и смерть пяти агрегатов в данный момент, которые являются ложными и нереальными, тем самым позволяя состоянию ума опустеть.

Конечно, самое главное - чем больше чёток, тем сильнее магические артефакты.

Сделав это, он почувствовал небольшой голод в желудке, и посмотрел за окно, неизвестно когда прекратившийся снег, солнце уже вышло, был полдень.

Он просто съел еду, и как только вышел на улицу, увидел, что издали торопливо идет стражник, наполовину стоящий на коленях в туннеле: "Его Королевское Высочество, многие люди в уличной лавке с кашей собираются толпой, чтобы устроить беспорядки, и теперь они становятся все более и более хаотичными. Это невозможно остановить".

"Устраивать беспорядки? С Девятой Принцессой когда-нибудь случался несчастный случай?"

"Нет, но ситуация срочная".

"Понятно."

Ся Цзи вызвал сотню мертвецов и дедушку Мэй, а затем покинул дворец.

На улицах царит настоящий хаос, издали слышны ругательства многих беженцев.

"Давайте посмотрим, это Ся Сяосу, Девять Богов-Императоров. Рис во дворце сложен как гора. Пока освобождается немного риса, все могут есть, и в городе никто не умрет от голода!"

"Да, люди во дворце едят большую рыбу и мясо, а у нас нет постоянного места, где мы могли бы пообедать с нашими родственниками!"

Слабый голос сказал: "Однако я думаю, что император говорит очень мягко и к тому же очень добр к нам".

"Она покупает сердца людей!"

"Если император все еще в столице, как он сможет вынести столько бедствий, видя нас?"

"Эй! Не ведитесь на мелкие выгоды и будьте благодарны за небольшую благотворительность!"

Ся Сяосу стояла возле магазина конгэ и находилась под защитой охранников. Она не стала объяснять, потому что не была глупой. Она знала, что эти люди, скорее всего, были подстрекателями. Вы можете рассуждать с кем угодно, но вы никогда не сможете убедить.

Человек, который стремится создать проблемы, каждый раз, когда вы объясняете, каждую боль, которую вы причиняете, только заставит их гордиться".

Поэтому выражение ее лица было немного грустным, но хозяйка дворца громко говорила: "Дело не в этом, во дворце мало еды. Сейчас время для всех работать вместе, чтобы преодолеть трудности".

"Лжец! Как у королевской семьи может быть мало еды?"

"Каждый день есть большая рыба и большое мясо. Пока вы выпускаете немного еды, вы можете спасти нас. Никто не умрет. Почему ты так с нами обращаешься?"

"Аферист!"

"Да, именно так! Откройте склад и положите зерно!"

Эта группа людей размахивала руками, и многие беженцы, не знавшие правды, тоже были подбиты на шум, и даже камень был брошен вперед в толпе.

"Принцесса, будьте осторожны!"

Дворцовая дама поспешила преградить путь.

Но все больше и больше камней и грязи **** бросали вперед, и оставшиеся горшки с кашей были разграблены в спешке. Камни были отброшены далеко в сторону, а гнев продолжался.

Ся Цзи стоял под карнизом и молча наблюдал за происходящим, в его глазах мелькнул острый взгляд.

Дедушка Мэй прошептал сбоку: "Его Королевское Высочество, сейчас не стоит убивать. Просто прогоните тех немногих, кто стоит во главе. Сейчас народ в смятении. Если вы убьете одного человека, это будет похоже на то, как если бы вы уронили маленькую искру на сковороду, последствия будут катастрофическими".

Ся Цзи взглянул на него: "Вы учите меня, как поступать?"

Отец Мэй поспешно сказал: "Старый раб не смеет".

Ся Цзи посмотрел вдаль. Девять Богов-Императоров нервно склонили голову. Ее глаза уже были заплаканы и распухли, превратившись в персики. За последние несколько дней она даже не представляла, сколько слез она тихо пролила, а крики и оскорбления сыпались один за другим. В глубине ее сердца.

Добро вознаграждается за добро, зло - за зло. Императорская сестра добрая, плачет о страданиях, а сама тихонько притворяется придворной дамой, чтобы рассыпать кашу.

Она не знаменита, но некоторые люди используют это, чтобы сделать статью. Почему вы сообщаете об этом?

Ненависть!

Ненависть к несправедливости!

Ненависть к добру и злу без отчета!

"Я так добра."

Ся Чжи тихо пробормотал. Он плотно закрыл глаза, и темперамент вокруг его тела стал темнее. Свет, который был там раньше, также полностью исчез в это время.

Бах!

Камень пролетел сквозь толпу и сильно ударил Ся Сяосу в плечо, отчего она издала болезненный крик.

Ся Чжи открыл глаза и одной мыслью превратился в Будду, а затем в дьявола. В это время ему хотелось просто дико смеяться. Оказалось, что он два года находился под домашним арестом и был подавлен, но в его сердце все еще жило смешное сострадание.

Он посмотрел вдаль и самым спокойным тоном произнес: "Все убиты".

(Конец этой главы)